

Москва правда. - 1991 - 13 июня. - с. 3.

гость «Московской правды»: композитор Евгений Птичкин

Нам всем надо лечиться Моцартом

Композитора Евгения Птичкина не надо представлять читателю. Его широкие, распевные мелодии, музыка к фильмам, мюзиклы, идущие во многих театрах страны, пользуются заслуженным признанием. Особенно любимы в народе песни композитора. Сегодня Евгений Николаевич ПТИЧКИН — гость «Московской правды».

— Евгений Николаевич, не так давно прошел VIII съезд композиторов СССР, на который съехались не избранные делегаты, а практически все члены вашей творческой организации. Уже по одному этому съезд обещал быть интересным, но... обещания своего не выполнил. Сейчас, когда страсти немного улеглись, как вы оцениваете его итоги?

— Наш съезд, как в зеркале, отразил те же процессы, которые происходят и в обществе. Столкновение разных мнений и подходов к нашим проблемам и здесь было очень резким. Выступали люди разных поколений, разных взглядов. Слово давали всем. Никаких заранее подготовленных речей, отчетов не было. И с этой стороны — гласность и демократия вроде бы торжествовали. А с другой — многие интересные, конструктивные предложения, которые выдвинули, например, композитор В. Дашкевич, падали в зал, как в вату. Без должного отклика, обсуждения, поддержки. За исключением немногих, деловых по существу, выступлений, с трибуны опять несло пустословие, продолжалось толчение воды в ступе. Выяснилось, что творческая интеллигенция, как и общество в целом, не умеет еще мыслить и анализировать важные вопросы самостоятельно. Привычка к тому, что от тебя ничего не зависит, что скажет начальство, то и будет, — рыпайся, не рыпайся, — страшно довлеет над нами. И это отчетливо проявилось на съезде. К тому же многие делегаты восприняли свою поездку в Москву как неожиданный праздник. Оплаченные дорога и обеды повергли многих в состояние эйфории. Люди уходили с заседаний в гости, в магазины...

А вопросы-то обсуждались самые насболевшие. Быть ли Союзу композиторов СССР единым или стать конфедерацией союзов республик и областей. Съезд решил, что отныне наша творческая организация будет работать на конфедеративной основе. В сопредседатели конфедерации выбраны Хренников и Степаненко. И здесь, по-моему, достигнут разумный, как модно теперь выражаться, консенсус. Многолетний опыт Тихона Николаевича Хренникова, его авторитет среди композиторов в сочетании с новым мышлением и реформаторским подходом Михаила Степаненко, представителя украинской организации, дадут, мне кажется, свои плоды.

— Насколько мне удалось заметить, молчаливое большинство на съезде оживлялось лишь тогда, когда речь заходила о социально-экономическом обеспечении членов союза. О творчестве мало кто говорил. Это подтверждение некоей крылатой фразы: «Будет хлеб, будет и песня»?

— Я могу объяснить это другой крылатой фразой: «И кому же в ум пойдет на желудок петь голодный!...». Почему-то у многих бытует такое представление, что композиторы все сплошь богачи, деньги девать некуда. А на самом деле это зачастую люди, живущие на грани или за чертой бедности. Да и откуда взяться деньгам? Ведь композиторы получают их, если могут продать свое произведение, если оно исполняется в концертах. А у нас хорошая серьезная музыка практически не востребуется. Министерство культуры СССР покупает мизерное количество новых произведений и платит за них по сути дела гроши. Маститый автор, подчеркиваю — маститый, получает за оперу, над которой работал, скажем, три года, — 12 тысяч. Раскиньте-ка эту сумму на три года, много ли получится? А ведь еще с него возьмут грабительский налог, поскольку правительство считает, что пополнять бюджет оно должно за счет творческой интеллигенции, которой, к слову, само оно ничего не платит, ничем не помогает. Даже сейчас, после беспрецедентного повышения цен, дотация в 60 рублей композиторам не положена. Они же не на производстве работают!

Так что положение у композиторов трагическое. И не столько материальные беды их мучают, сколько моральная тяжесть от того, что вроде бы их труд никому и не нужен. Даже если повезет и произведение примут к исполнению, в концерт сейчас мало кто ходит. И не потому, что музыка не нравится, а потому, что вечером страшно возвращаться. Это раз. Во-вторых, сами залы находятся настолько в плачевном состоянии, что в них хорошие оркестры отказываются выступать. Филармония бедна, сколько-нибудь приличные деньги исполнителям платить не в состоянии. В музыкальных театрах не из чего шить костюмы, нет денег на декорации, артисты приходят играть спектакль в собственных платьях.

И в то же время процветают кооперативные концертные организации, которые организуют для молодежи зрелищные представления, платят колоссальные деньги группам и солистам. Прав был Дмитрий Сергеевич Лихачев, когда сказал, справедливо имея в виду, что Отечество есть культура: «Отечество в опасности».

— Евгений Николаевич, а вам не кажется, что, помимо справедливых претензий к государству, в создавшемся положении есть вина и самих композиторов?

— Конечно, есть! Качество музыки подчас оставляет желать лучшего. Но и это не случайно. Все спешат сейчас хоть куда-нибудь что-нибудь продать, ведь другого способа заработать на жизнь нет. И это носит катастрофический характер!

Вся нынешняя система взаимоотношений творца с государством абсурдна. Ни в какой стране мира не гонятся так за большим количеством слушателей, как у нас. Причем в ущерб самой музыке. Строятся безумно дорогие и помпезные театры, например в Иваново, которые себя не окупают. Не в мраморе дело, а в уюте, в хорошей акустике. И нет беды в том, что на камерный концерт в зал на двести мест придут сто человек. Придут те, кого действительно волнует музыка. У нас же, когда это происходит, работники филармонии моментально отрываются и от композитора, чьи произведения исполняются, и от солиста. «Народ на них не идет!». Так ведь

и никогда не придет, поскольку композитор не будет иметь возможности постепенно завоевать слушателя.

Пока искусство не будет дотироваться, пока мы будем думать о финплане, ничто не изменится!

— Значит, число истинных любителей музыки будет сокращаться? Нет ли способа остановить этот негативный процесс?

— Целые поколения испорчены плохим воспитанием, образованием. Слушать настоящую музыку — это мыслить, сочувствовать, сопереживать. А многие уже утратили эту способность. Воспринимать музыку — это труд, труд души. Готовы ли к нему люди?

Вот недавно еду я в такси. По приемнику передают новости, а потом объявляют: «Послушайте симфонию Гайдна». Моментально шофер переключает на другой канал. Что характерно, человек никогда не слышал Гайдна, но ему сказали, что это — скукота. Естественно, он переключает приемник на какую-нибудь грохочущую группу. С ней легче...

И так будет продолжаться, пока мы не займемся всерьез, на государственном уровне воспитанием наших детей. Над этим музыкантам надо думать вместе со всеми людьми, которых настоящему волнуют вопросы образования. Должны быть специалисты этого дела, преподаватели музыкальной культуры.

Без музыки нет человека! Вот о чем надо было говорить нам на съезде. А мы, особенно первые дни, на чепуху время тратили. Оргвопросы или претензии друг к другу не имеют отношения к громадному делу — Музыке. Молодежь у нас бегала к микрофонам, кричала лозунги, а надо было крикнуть: «Товарищи, а что у нас происходит с музыкой?!». Ведь будущее в музыке — за молодыми, а их творчество востребуется еще меньше, чем сочинения маститых авторов. И исполнять их произведения некому из-за утечки музыкантов, из-за недостойных творческих условий.

— Чтобы Петр Ильич Чайковский мог свободно творить и жить, достаточно было одной Надежды Филаретовны фон Мекк. У нас меценатство практически неразвито, хотя, как выяснилось, миллионеров немало. Кто же может поддержать молодых?

— Для этого существует Музфонд. И я считаю, что львиную долю денег мы обязаны тратить на молодых. Мы покупаем у них сочинения, даем возможность работать в домах творчества. Но и у нас средства мизерные. К тому же сейчас, с образованием конфедерации союзов, они будут распределяться на местах. Так что у Музфонда один выход — научиться действовать в рыночных условиях, организовывать совместные предприятия. Первый опыт у нас есть. Деньги, вырученные от коммерческой деятельности, пойдут на творческую и материальную помощь членам нашего союза.

— Евгений Николаевич, но, судя по тем же выступлениям на съезде, советская музыка звучит за рубежом едва ли не чаще, чем в нашей стране. Значит, согласно авторскому праву, она может приносить своим создателям валюту?

— Валюту советская музыка действительно приносит, но почти всю ее забирает ВААП. Мы фактически ничего не полу-

чаем. Нам скоро доплачивать придется за свои собственные сочинения. Нормально ли это? Грабительская политика ВААП губит творчество на корню. Мы получаем от государства всего 2 процента от сбора зрелищных мероприятий. ВААП на весь Союз композиторов отчисляет нам 8 миллионов рублей, на Москву — миллион сто тысяч. А специальный порошок для множительной техники мы покупаем за валюту, которую, в свою очередь, приобретаем за рубли. Наш нотный цех обслуживает не только композиторов, но также музыкальные театры, где ставят наши оперы, концертные организации и ВААП. И эти самые ноты, партитуры, напечатанные у нас, ВААП продает за границей как?.. Правильно, за валюту. Сейчас мы поставили перед руководством этой организации вопрос об отчислении нам части валюты.

Мы вообще хотим в Москве отказаться от услуг ВААП, тем более что он нас и не охраняет, и не пропагандирует. Попробуем обращаться к услугам специальных менеджеров.

— Широкий круг ваших общественных обязанностей, наверное, порядком мешает творчеству?

— Мешает, конечно. И все же я решил для себя так: все тлен, кроме творчества. Много, интенсивно пишу. Сейчас закончил спектакль «Старинный анекдот». Будут ставить в Ростове, Волгограде, Свердловске. Написал оперу «Я пришел дать вам волю» по Шукшину, ее уже играют в Омском и Ивановском театрах. Сейчас начинаю писать оперу-балет по Тургеневу «Вешние воды» для Пермского театра оперы и балета. Вот в песенном жанре стал работать меньше. И все же мои новые песни по-прежнему поют Кобзон, Зыкина, Толкунова — мои давние друзья, поют и молодые ребята.

Друзья спрашивают меня иногда: «Зачем тебе нужна общественная работа?». Но эта работа посвящена людям. Мне думается, на общее благо должны работать добрые, отзывчивые люди, понимающие, что такое — вовремя помочь коллеге.

Я не случайно на первое место поставил доброту. Люди, по моему, забыли, что это такое. Конечно, время сейчас злое, напряженное. И все же, когда на улицах я вижу, что взрослые со злобой относятся к детям, мне становится страшно. Если мальчик что-то такое сделал, потому что он мальчик, не надо ему уши обрывать. Ведь злоба передается ему, и он сверстнику послабее тоже уши оборвет. Жить во зле невозможно, нет никаких сил! Особенно, когда садишься писать музыку. А музыка — это откровение, это свет, это великий целитель.

Почему музыка Моцарта любима во всех странах и народах? Да потому, что она несет солнечный свет, радость проливает в души. А мы включаем утром радио или телевизор, и оттуда несется агрессивный, отупляющий рок.

А мы и так все в напряжении, в раздражении. Потому что продуктов нет, товаров нет, надежда и та потеряна. Нам бы всем надо лечиться Моцартом. Слушать его в обязательном порядке по утрам, тянуться духом за великой этой музыкой.

Беседу вел
Л. НЕКРАСОВА.